

Депеша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю

о нашей Отечественной войнѣ 1812 года.

С.-Петербургъ, 2 (14) Іюня 1813 г.

Послѣ всего что написано о кампаніи 1812 г., кажется, что предметъ этотъ исчерпанъ, а между тѣмъ можно сказать, что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, къ нему только едва прикоснулись, если его разсматривать съ нравственной стороны этихъ великихъ событій, стороны почти совсѣмъ неизвѣстной въ чужихъ краяхъ. Изъ подлинной исторіи этой кампаніи составитя когда нибудь весьма занимательная книга; теперь же я могу только наскоро набросать о ней нѣсколько мыслей.

Когда Русскій Императоръ оставлялъ свою армію, по направленію къ Дриссѣ, рѣшившись на это особенно по неотступнымъ, дерзкимъ настояніямъ маркиза Паулучи, онъ обратился къ Барклаю-де-Толи съ слѣдующими словами: „Генераль! Помните, что у меня нѣтъ другой арміи, кромѣ этой и что у васъ, во главѣ ея, великій полководецъ“. Что могъ предпринять, на что могъ рискнуть Барклай-де-Толи, послѣ такихъ словъ Государя? Съ другой стороны, великій князь Константинъ Павловичъ, такъ отважно вызвавшійся ѣхать къ Наполеону, чтобъ испросить у него мира, только что вернулся въ столицу, чтобъ разглашать, что армія не существуетъ болѣе, и что самое лучшее, что остается сдѣлать, это добиться мира, какой бы ни было цѣною. Императоръ предупреждалъ насъ быть готовымъ къ отъѣзду, и самъ готовился къ нему. Изъ всѣхъ дворцовъ, коллегій и прочихъ государственныхъ учрежденій выбирались. Не доставало барокъ, экипажей и лошадей для людей со всѣмъ богатствомъ, какое можно было увезти. Наполеонъ былъ отлично освѣдомленъ объ этомъ. И кто станетъ удивляться его довѣрчивости?

Армія между тѣмъ все отступала, не терпя чувствительныхъ уронъ, но и не нападая на непріятеля, а незамѣтно уменьшаясь, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Барклай сдалъ Смоленскъ. И это не потому, чтобъ онъ не хотѣлъ дать большого сраженія, но, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ сказалъ себѣ: „нѣтъ, я не могу играть на эту карту“. Тогда мнѣніе столицы, до крайности растерянное, приписало Барклаю все, что было унижительно въ этихъ обстоятельствахъ. Стали громко и настоятельно требовать его смѣщенія, и Государь долженъ былъ сдаться. Но ему очень было трудно удовлетворить общественному мнѣнію, такъ какъ оно указывало на Кутузова, къ которому онъ не скрывалъ своего отвращенія, упрекая его, по крайней мѣрѣ про себя, за его лукавство, эгоизмъ и гнусные нравы. Я не останавливаюсь на болѣе глубокихъ причинахъ нерасположенія къ нему Императора, но такъ какъ всѣ, въ одинъ голосъ, кричали: Кутузова, Кутузова, то Государь и сдѣлалъ его главнокомандующимъ, и ему-то дряхлому, полуслѣпому, пришлось замѣнить Барклая въ борьбѣ съ Наполеономъ, и это въ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ! Барклай сдалъ ему армію, въ то самое время, какъ она должна была получить подкрѣпленіе и искалъ смерти подъ Бородинымъ, но остался живъ. Объ этой битвѣ, кажется, ничего нельзя сказать новаго: это была кровавая рѣзня-бойня; но, по мнѣнію знающихъ дѣло военныхъ людей, ни съ той, ни съ другой стороны не было талантливыхъ распорядителей. Только Французы лучше дѣйствовали своею артиллерією (не бывъ однако же лучшими артиллеристами, что дѣло совсѣмъ другое). Русская артиллерія отлично была оборудована, но Французская лучше размѣщена. У Русскихъ при Бородинѣ осталось сто пушекъ безъ дѣйствія, что непростительно. Въ эту достопамятную битву Кутузовъ находился въ трехъ отъ нея верстахъ. Я знаю, что главнокомандующій не то, что какой нибудь гренадеръ; но на все есть мѣра. Битвою распоряжались собственно Барклай, искавшій смерти, и Багратионъ, нашедшій ее тамъ. Только планъ битвы былъ составленъ Кутузовымъ, но и его сильно критиковали. Я не стану говорить объ этихъ военныхъ подробностяхъ. Такъ какъ, по общему мнѣнію, Барклай былъ настоящимъ главнокомандующимъ въ битвѣ при Бородинѣ, то Кутузовъ его возненавидѣлъ и причинилъ ему столько непріятностей, что вынудилъ его, наконецъ, покинуть свою должность. Москву оставили и сожгли. А была ли необходимость въ ея оставленіи? Надъ этимъ вопросомъ поработало немало умовъ. Извѣстно, что на военномъ совѣтѣ лучшіе генералы выговорили противъ этой ужасной мѣры. Пишущій эти строки молчитъ, но по совершенно другой причинѣ, чѣмъ прочіе молчащіе. Въ основу сомнѣнія ставятъ обыкновенно несогласіе мнѣній и вѣсность военныхъ

доказательствъ, удерживавшихъ равновѣсіе. Онъ же воздерживается произнести обвинительный приговоръ Кутузову по совершенно другимъ соображеніямъ.

Но чего ничѣмъ нельзя извинить, это конецъ его реляціи Государю: „Впрочемъ, ваше величество, оставленіе Москвы было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ оставленія Смоленска“. Какая низость! Какая гнусность! Чтобъ называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, мало преступленій подобныхъ тому, чтобы открыто приписать весь ужасъ гибели Москвы генералу Барклаю, который не-Русскій и у котораго нѣтъ никого, чтобъ его защитить!

Оставленіе Смоленска, точно, такъ мало повело къ оставленію Москвы, какъ переходъ черезъ Нѣманъ. Еслибъ Кутузовъ постарался завершить Бородинскую битву полною побѣдою, конечно, Москва еще была бы цѣла, такъ что Барклай имѣлъ гораздо болѣе права сказать Государю: впрочемъ, ваше величество сомнительная побѣда подъ Бородинымъ вызвала необходимость оставленія Москвы, и по моимъ предъидущимъ донесеніямъ вашему величеству достаточно извѣстно о гибели этой громадной столицы“. Но необходимо добавить, что до сихъ поръ еще въ народѣ говорятъ, да и повыше народа, что Москву сожгли Французы: такъ еще сильны здѣсь предрасудки, убивающіе иногда всякую мысль на подобіе гасильниковъ, которыми тушатъ свѣчи.

Своею гибелью Бонапартъ обязанъ себѣ. Почти всѣ великіе люди, особенно отличающіеся громадною силою воли (и если у нихъ, при этомъ, верховная власть) кончаютъ тѣмъ, что не терпятъ и малѣйшаго противорѣчія: такъ портитъ ихъ успѣхъ. Видя постоянно, что всѣ передъ ними преклоняются, они не признаютъ никакихъ авторитетовъ, даже въ вещахъ, въ которыхъ сами ничего не смыслятъ. Генералъ Шметау, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываетъ о томъ, какъ однажды король Пруссій, Фридрихъ II приказалъ двумъ инженерамъ измѣрить ему разстояніе двухъ точекъ, на которыя указалъ имъ въ отдаленіи. „Сію минуту, ваше величество!“ отвѣтили, какъ и слѣдовало, оба инженера.—Ну, это только легко на словахъ, возразилъ король. Обѣ эти точки на виду непріятельскихъ батарей, и вамъ трудно будетъ работать на нихъ.—„Да намъ и нѣтъ надобности къ нимъ подходить“, сказали инженеры.—А какъ же это вы будете измѣрять мѣсто, не находясь на немъ? (Ужасная математическая задача) Ваше величество, униженно продолжали инженеры, у геометріи есть способы... Король не далъ имъ продолжать, воскликнувъ: „ну вотъ еще что, геометрія!“ Это совершенно по наполеоновски, такъ какъ между

этими двумя особами много сходства. Если отнять у одной стороны (или если прибавить къ другой) это величіе, это достоинство, эту извѣстную атмосферу присущую настоящей, законной королевской власти: уравненіе, по моему, будетъ полное. У нихъ у обоихъ одинаковое невѣріе, грубость, безнравственность, презрѣніе къ людямъ, при очень схожихъ талантахъ. Такіе характеры творять чудеса, пока обстоятельства имъ благопріятствуютъ; но они же увлекаются въ ужасныя, непоправимыя ошибки. Генералы Бонапарта говорили ему: „ваше величество, не входите въ Москву, дайте сраженіе Кутузову; вы его разобьете, или прорубитесь черезъ него, и вся слава будетъ за вами“. Но онъ, какъ Фридрихъ, сказалъ въ отвѣтъ: „ну вотъ еще что!“ и вступилъ въ Москву. Когда я думаю о томъ, какъ этими минутами рѣшена вся тяжба, мнѣ кажется, что я вхожу въ ледяную воду, и что у меня захватываетъ духъ. Вотъ въ этихъ-то обстоятельствахъ нравственныя качества Кутузова послужили отечеству на пользу. Несомнѣнно, что онъ провелъ Наполеона своею непомятною хитростью. Онъ такъ ловко сумѣлъ обмануть этого разбойника, принимая его посланцевъ съ такимъ важнымъ видомъ и дѣлая распоряженія, какъ будто готовился къ перемирію, что Наполеонъ пропустилъ въ выжиданіяхъ 38 дней и черезъ это потерялъ все. Онъ и самъ созналъ свою ошибку, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, когда уже нѣтъ средствъ помочь дѣлу; однакоже нужно оставаться справедливымъ, даже въ отношеніи обвиняемаго. Если безпристрастно принять во вниманіе всѣ ошибки, сдѣланныя Русскими, состояніе ихъ умовъ и положеніе вещей, хорошо извѣстныя Наполеону, его неоспоримое превосходство надъ всѣми Русскими полководцами, опьянѣніе, которое онъ испытывалъ отъ этого тысячеверстнаго похода, во все время котораго ни одинъ Русскій штыкъ не переходилъ въ наступленіе, власть, надъ личностью Александра, которую онъ не безъ основанія себѣ приписывалъ, но недостаточно глубоко оказанную въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, и наконецъ, предполагаемое имъ вліяніе перваго министра, лично ему извѣстнаго, повторяю, если принять все это во вниманіе: то нельзя не согласиться, что въ его замыслѣ принудить къ миру въ Москвѣ не было никакого безумія. Чтобъ означить рѣшимость этаго ужаснаго ума, можно употребить слово отвага, или, пожалуй, еще вѣрнѣе, Англійское слово boldness; но ни одно изъ нихъ не означаетъ ни глупости, ни сумасшествія. Онъ понялъ, наконецъ, что слѣдуетъ отступить и сосредоточилъ тогда на этомъ всѣ свои мысли.

Для того, чтобъ представить себѣ ясно, что произошло бы, если Наполеонъ, лично, съ своимъ двадцатипятитысячнымъ резервомъ,

не участвовавшимъ въ Бородинскомъ сраженіи, напаль бы на Кутузова, нужно вспомнить, что у сего послѣдняго, послѣ оставленія имъ Москвы, было 18 т. мародѣровъ въ арміи, и что у него господствовалъ такой беспорядокъ, что онъ писалъ въ Петербургъ: „меня гораздо больше тревожитъ моя армія, чѣмъ непріятель“. Наконецъ, подошли его подкрѣпленія, онъ устроилъ свой подвижный составъ въ 30 т. лошадей, и помощь стала приходить отовсюду; но больше всего ему помогли наступившіе холода.

Превосходство Наполеона въ военномъ дѣлѣ произвело такое глубокое впечатлѣніе на этого ветерана, что, передъ Тарутинскимъ сраженіемъ, 6 (18-го) Октября, онъ признался барону Бенингсену, что при одномъ имени Наполеона онъ чувствуетъ себя угнетеннымъ и не смѣетъ думать о возможности побѣдить его. На первую атаку онъ рѣшился только послѣ того, что потребовалъ отъ Бенингсена письменнаго заявленія, что онъ считаетъ выгоднымъ дать сраженіе и что успѣхъ возможенъ. И, дѣйствительно, сраженіе было дано; но какія отъ него получились послѣдствія, въ сравненіи съ тѣми, которыхъ въ правѣ были ожидать? Захватъ или истребленіе двадцатитысячнаго авангарда Наполеонова былъ обезпеченъ, а взятіе въ плѣнъ самого Мюрата считалось весьма вѣроятнымъ; но, когда Бенингсенъ попросилъ подкрѣпить его кавалеріей, Кутузовъ отказалъ, остановивъ выступившую уже было кавалерію, такъ какъ видѣлъ, что эту побѣду припишутъ (какъ и слѣдовало) не ему, а Бенингсену и сдѣлаютъ его фельдмаршаломъ. вмѣсто блестящаго одоленія мы отпраздновали благодарственнымъ молебномъ жалкую побѣду: стотысячная армія заставила отступить 20 тыс. Французовъ, взявъ у нихъ артиллерійскій паркъ съ 20 пушками и погубивъ тысячу человѣкъ. Бенингсенъ сталъ громко кричать, называя Кутузова измѣнникомъ, въ чемъ ему вторили его друзья, а затѣмъ подалъ въ отставку. Государь пожаловалъ ему Андреевскую ленту со стотысячнымъ подаркомъ: прямое доказательство, что Государь отлично знаетъ, чего ему держаться. Чѣмъ же иначе объяснить себѣ эти милости? Но Русскіе порѣшили ни одному иностранцу не дать участія въ ихъ славѣ. Кутузова они выбрали сами и хотѣли его превознести какъ исполина, для достиженія чего мало того, что они приписывали ему одному всѣ удачи, страшно преувеличивая ихъ, но еще взвалили на другаго всѣ его ошибки.

Адмиралъ Чичаговъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ дѣятелей. Въ настоящую минуту не найти, кто бы изъ людей высокопоставленныхъ превосходилъ его, или даже былъ ему равенъ, по

уму, быстротѣ сужденій, силѣ характера, справедливости, умѣнью оцѣнить заслугу, гдѣ бы она ни была, безкорыстію и даже по строгости нравовъ. Но всѣ эти чудныя качества затемнѣны двумя большими пятнами: первое, на которомъ, думается мнѣ, можно бы и не останавливаться, не будь второго, это его взглядъ на религію, который не подходит ни къ Греческой церкви, ни къ Латинской; второе пятно это его презрѣніе, даже глубокая ненависть ко всѣмъ учрежденіямъ его отечества, гдѣ онъ находитъ только глупость, невѣжество, разбой и деспотизмъ. Русскій человѣкъ изо всѣхъ людей въ мірѣ лучше всѣхъ видитъ свои недостатки, но, за то, менѣе всякаго другаго прощаетъ тому, кто указываетъ ему на нихъ. Если кто хочетъ быть съ Русскими въ добрыхъ отношеніяхъ, тотъ не долженъ никогда осуждать ничего въ нихъ (они сами частенько подставляютъ эту ловушку иностранцамъ); мало того, онъ долженъ еще и не соглашаться съ ними въ ихъ осужденіяхъ, дозволивъ себѣ, самое большее, улыбнуться, чтобъ уже не казаться столь одураченнымъ. За исключеніемъ ограниченнаго числа людей, близко знающихъ адмирала и воздающихъ ему должное, всѣ прочіе ненавидятъ его нещадно и считаютъ открытымъ врагомъ своего отечества. А разсмотрѣть поглубже, то это совершенно невѣрно. Онъ даже больше Русскій, чѣмъ всякій другой Русскій, такъ какъ онъ не Россію ненавидитъ, а ея пороки и злоупотребленія, которые ее позорятъ; но большинство людей неспособно понять такое тонкое разграниченіе, которое, впрочемъ, не извиняетъ его желчныхъ сужденій и страшныхъ, язвительныхъ насмѣшекъ на счетъ своего отечества. Его друзья постоянно останавливали его въ этомъ; онъ давалъ имъ говорить, но не исправлялся. Императору извѣстны его приемы и рѣчи; однако онъ всегда былъ къ нему очень расположенъ, что даже повредило Государю въ общественномъ мнѣніи. Онъ не Русскій, онъ не любитъ Россію, а любитъ тѣхъ, кто ее ненавидитъ: вотъ что говорили. Въ этомъ только то вѣрно, что Государь опередилъ своихъ подданныхъ, и что въ этомъ, можетъ, несчастіе для него. Не будь онъ такъ выше ихъ, его любили бы больше, потому что тогда онъ самъ только бы зналъ, любилъ и хвалилъ то, что видѣлъ бы около себя.

Злополучная война съ Турціей была, наконецъ пріостановлена перемиріемъ. Кутузовъ, ведшій эту войну далеко не съ выдающимся успѣхомъ, остался съ необходимыми полномочіями для заключенія мира; но онъ все медлилъ, такъ что Императоръ, выведенный изъ терпѣнія, послалъ туда Чичагова, тѣмъ скорѣе, что до него доходили изъ Молдавіи постоянныя жалобы на образъ жизни Кутузова. Предупрежденный курьеромъ о пріѣздѣ Чичагова, Кутузовъ въ одинъ мигъ заключилъ

миръ, чего никогда бы безъ этого не сдѣлалъ, такъ что Чичаговъ, по своемъ прїѣздѣ, нашелъ миръ уже подписаннымъ. Онъ тотчасъ-же сказалъ, что не будетъ ни мѣшаться въ это, ни приписывать себѣ чужую славу; но, изъ предосторожности, нѣкоторые люди попросили и его подписи, каковую онъ и поставилъ въ самомъ концѣ мирнаго договора и о чемъ немедленно написалъ Государю, поясняя, что сдѣлалъ это единственно для формальности, оставляя за своимъ предшественникомъ всю честь заключеннаго мира. Кажется, нельзя было поступить вѣжливѣе, а между тѣмъ Кутузовъ никогда ему этого не простилъ.

Чичаговъ остался въ Молдавіи, а Кутузовъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, первое время, имъ довольно пренебрегали. Но крики изъ гостинныхъ заставили Государя назначить его главнокомандующимъ, вопреки личному нерасположенію, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, графомъ, княземъ и княземъ Смоленскимъ, такъ что его женѣ пришлось за это время три раза перепечатывать свои визитныя карточки.

Сначала Государь и Чичаговъ не думали, что чудная Молдавская армія понадобится на главномъ полѣ сраженій, и располагали употребить ее на обширныя и важныя дѣйствія, особенно выгодныя для его королевскаго величества. Но они оба ошибались, и Чичаговъ отправился, наконецъ, къ Березинѣ черезъ Минскъ. А между тѣмъ здѣсь всѣ обвиняютъ его въ медлительности, какъ будто челоуѣка съ его характеромъ могла задержать какая другая причина, кромѣ державной воли своего повелителя, тайную мысль котораго, и даже двѣ, не трудно было отгадать.

Тѣмъ временемъ, какъ Чичаговъ изъ Молдавіи, а кн. Кутузовъ изъ Смоленска должны были соединиться у Березины, общественное мнѣніе незамѣтно подготовило къ мысли, что именно Чичаговъ долженъ былъ изловить Наполеона, при его переходѣ черезъ рѣку, словно какую мышь. О дѣйствіяхъ Кутузова отъ Смоленска до Березины нечего распространяться: они имѣли блестящій успѣхъ, но въ нихъ не видно ни одного мастерскаго хода: онъ захватывалъ и уничтожалъ людей, по мѣрѣ того, какъ они валились отъ голода и холода. Пушки доставались ему лишь тѣ, которыя непріятель бросалъ; вотъ и все! Онъ не сумѣлъ взять въ плѣнъ ни одного маршала, или хоть бы какого-нибудь извѣстнаго генерала, и ничѣмъ не выказалъ, что считаетъ возможнымъ захватить самого Наполеона. Сей послѣдній раздѣлилъ свою армію на три корпуса: 1-мъ онъ командовалъ самъ, 2-мъ — Даву, а 3-мъ — Ней. Подъ Краснымъ Русскіе шли параллельно съ Французами

и очутились между ихъ 2-мъ и 3-мъ корпусами (сами того не зная, а единственно по движенію войскъ), такъ что Ней сталъ отрѣзаннымъ, да такъ отрѣзаннымъ, что, когда онъ показался въ тылу Русскихъ, они послали на развѣдку, чтобъ узнать, свои-ли это или непріятель. Вотъ когда представлялся случай нанести сильный ударъ, но Кутузовъ не воспользовался имъ. Онъ принялъ 12 т. заковенныхъ, голодныхъ, которые сдались съ 27-ью пушками, а выпустилъ маршала Нея со стами пушками и 15 т., приблизительно, человекъ. Наполеонъ, считавшій Нея погибшимъ, по невозможности спастись, не вѣрилъ глазамъ, когда Ней присоединился къ нему. Спрашивается, при всемъ этомъ, гдѣ же тутъ великій полководецъ? Чтобъ позабавить друзей, мнѣ случалось послѣ этого говорить, что, будь Наполеонъ во главѣ Русскихъ, Наполеонъ захватилъ бы себя.

Въ то время, какъ Французская армія отступала, Чичаговъ подходилъ съ своею великолѣпною арміею въ 60 т. человекъ, и походъ его черезъ Польшу, конечно, достоинъ самыхъ большихъ похвалъ. Въ 12 дней онъ очистилъ Волынь отъ Австро-Поляковъ, отбросивъ ихъ за Бугъ, не переставая преслѣдовать ихъ и давать имъ сраженія. Такой же хорошій администраторъ, какъ полководецъ, онъ вселилъ любовь къ своимъ распоряженіямъ, не допустилъ грабежа, приобрѣлъ Россіи друзей и сблизился съ людьми хорошо поставленными, которые и освѣдомляли его обо всемъ. Онъ разсѣялъ Польскую конфедерацію и сверхъ того оказалъ значительную услугу, какъ Россіи, такъ и общему дѣлу, посылая въ Вѣну, и особенно, въ Константинополь, извѣстія о своихъ побѣдахъ, о чемъ не позаботились здѣсь. Порта, ошеломленная побѣдами Наполеона и гибелью Москвы, успѣла уже обезглавить двухъ несчастныхъ братьевъ Молдавскаго господара Мурузи, единственно за то, что они были переводчиками при заключеніи мира съ Россіею; Молдавія была уже готова отдаться въ руки Франціи, сторонники которой превозносили ее до небесъ. Русскій посолъ почти что молчалъ, когда депеши Чичагова подоспѣли, чтобъ поднять его духъ и общественное мнѣніе.

По несчастію, въ это ужасное время точно было predetermined, что законные правители будутъ другъ друга душить, чтобъ тѣшить разбойника и высвободить его изъ самыхъ опасныхъ положеній. Австрія съ лихвою отплатила намъ за зло, причиненное ей въ 1809 г., когда изъ за насъ она была вынуждена раздѣлить свои силы. Однако, разница при этомъ огромная, такъ какъ князь Голицынъ велъ тогда войну съ Австріею благородно, безпокая ее слегка и всячески дока-

зывая свое желаніе не причинять имъ вреда, а Шварценбергъ своими дѣйствіями заставлялъ жалѣть о Французахъ, даже—желать ихъ: его шествіе уподоблялось потоку лавы.

Адмиралу Чичагову пришлось раздѣлить свою армію. Онъ оставилъ генералу Сакену 30 тыс. человѣкъ, чтобъ давать отпоръ Шварценбергу, а съ остальными 30-ью тысячами онъ двинулся къ Минску, согласно полученнымъ приказаніямъ (все это нужно читать съ картою въ рукахъ). Князь Кутузовъ писалъ ему: надѣюсь, что вы будете 12-го (Ноября) въ Минскѣ. Минскъ былъ занятъ 4-го, мостовое прикрытіе взято съ бою, Полякъ Домбровскій отброшенъ въ Борисовъ 11-го, и Борисовскій *tête-de-pont* также взятъ съ бою. Взоры всей Россіи обращались на мѣсто, гдѣ было средоточіе военныхъ дѣйствій, и (какъ уже было сказано выше) всѣми было рѣшено, что Чичаговъ захватитъ тутъ Наполеона. Подготовлявшіе это мнѣніе отлично знали, что они дѣлають.

Чтобы имѣть представленіе о положеніи Наполеона, нужно прежде всего принять въ соображеніе число войскъ у воюющихъ сторонъ. Наполеонъ выступилъ изъ Москвы съ 125 тыс. человѣкъ. Не касаясь всѣхъ подробностей, достаточно сказать, что число это опредѣлено со всею точностію, которая возможна при подобныхъ исчисленіяхъ. Съ одинаковою достовѣрностію можно считать, что въ дни присоединенія къ нему генераловъ Виктора и Макдональда съ 30 тыс. человѣкъ, онъ потерялъ уже 60 тыс. *) изъ своей арміи, такъ что къ Березинѣ онъ подступилъ съ войскомъ въ 95 т.; нужно обратить особенное вниманіе на это, о чемъ, даже въ Англіи, не имѣли настоящаго понятія. Когда Чичаговъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ хвастливости, писалъ, въ одномъ изъ своихъ заявленій, что у Наполеона было, по крайней мѣрѣ, 70 тыс. чел., въ Лондонѣ нашли, что число это кажется очень преувеличеннымъ; это доказываетъ, что Англію ввели въ заблужденіе какими нибудь ложными свѣдѣніями. Преувеличеніе, дѣйствительно, было, но въ обратную сторону, т. е. въ уменьшеніи настоящаго числа войскъ у Наполеона.

Теперь вернемся къ тому, что было сказано выше, на счетъ сокращенія арміи Чичагова на 30 тысячъ чел., оставленныхъ Сакену. Отъ сраженій, утомленія, болѣзней и холода, его армія сократилась еще на нѣкоторое число, такъ что, когда онъ прибылъ въ Борисовъ,

*) По подлиннымъ донесеніямъ Кутузова потеря исчислена въ 56,130 чел. Здѣсь приводятся круглыя числа.

у него было только 25 тысячъ чел., изъ которыхъ 10 тыс. кавалеріи, сдѣлавшейся почти ни къ чему непригодною ради болотистой мѣстности, представлявшей зимою сплошной катокъ, было бы полнымъ безуміемъ разсчитывать, чтобъ какой бы то ни было генераль смогъ съ 15 или 18 т. чел. захватить Бонапарта, у котораго было 95 тыс. Впрочемъ, какъ знать, чтò могло бы произойти, если бы каждый исполнилъ свой долгъ; но исполнили его очень немногіе.

Передъ сраженіемъ подъ Краснымъ, Бенингсенъ писалъ Императору: „медленность и слабость, съ которыми мы преслѣдуемъ непріятеля, доведутъ до того, что сила у Чичагова не достанетъ, чтобы остановить его у Березины“. Предсказаніе оправдалось; но чтобы его вополнѣ понять, нужно начать съ обнаруженія горькой истины. Фельдмаршалъ, чувствуя себя совершенно неспособнымъ нанести Наполеону смертельный ударъ, дрожалъ отъ страха, какъ бы ему не пришлось быть приведеннымъ къ самой Березинѣ, гдѣ, при хорошо извѣстномъ его настроеніи, онъ прямо предпочелъ бы выпустить Наполеона, хоть сто разъ къ ряду, чѣмъ видѣть, что Чичаговъ нанесетъ ему послѣдній ударъ. Кутузовъ ненавидѣлъ адмирала, и какъ соперника, который можетъ у него отнять часть его лавровъ, и какъ моряка, умѣющаго дѣйствовать и на сушѣ. Поэтому онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ погубить его. Вотъ и объясненіе всему происшедшему. Преступленія, на которыя онъ рѣшился, въ виду этого, будутъ сейчасъ объяснены.

На другой день, послѣ того, чтò мостовыя укрѣпленія Борисова были взяты съ бою, адмиралъ перешелъ черезъ мостъ со всѣмъ своимъ штабомъ, но на аванпостахъ потерпѣлъ маленькую неудачу, по винѣ чрезъ-чуръ храбраго, но недостаточно опытнаго офицера. Такъ какъ я пишу не книгу, то не коснусь подробностей. Достаточно сказать, что Чичаговъ, при отступленіи черезъ этотъ мостъ, потерялъ до 30 фуръ. и отъ 100 до 150 чел. убитыми или плѣнными. Фельдмаршалъ донесъ объ этомъ Государю слѣдующими словами: „Адмиралъ Чичаговъ только что причинилъ мнѣ уронъ въ 4,000 чел. убитыми, 2,000 плѣнными; но о подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ публиковать, вслѣдствіе дурнаго впечатлѣнія, которое онѣ производятъ“. Но это еще не все. Графу Витгенштейну приказано было перейти Березину и присоединиться къ Чичагову, на правомъ берегу, а генераль Эртель, командовавшій 8-ю тыс. чел. въ Мозырѣ, долженъ былъ еще въ Минскѣ присоединиться къ нему. Эртель не исполнилъ приказа, совершенно не стѣсняясь, по пустѣйшимъ отговоркамъ, и Чичаговъ счелъ себя обязаннымъ предать

его полевому суду, по которому ему грозила смертная казнь; но Эртель отлично зналъ, рѣшась послушаться Чичагова, что этимъ самымъ онъ угождаетъ другому. И, дѣйствительно, адмирала вскорѣ послѣ того, попросили не возбуждать дѣла, такъ что Эртелю это сошло безнаказанно. Чичаговъ такимъ образомъ не получилъ 8 тыс. подкрѣпленія; но ему пришлось перенести еще и другіе подвохи. Зная, на что способенъ Чичаговъ и при такомъ недочетѣ, необходимо было удалить его съ береговъ Березины, и вотъ какъ это устроили. 12-го (25-го) Ноября адмиралъ получилъ отъ кн. Кутузова письмо, которымъ тотъ извѣщалъ его, что, по полученнымъ имъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, бѣльшая часть войскъ непріятели идетъ на Бобруйскъ (болѣе чѣмъ на 100 верстъ южнѣе, см. карту) и что необходимо Чичагову поспѣшить пресѣчь ему дорогу.

Нѣсколько часовъ послѣ полученія письма отъ кн. Кутузова, гр. Витгенштейнъ увѣдомлялъ его о томъ же. Чичаговъ оставилъ одну дивизію въ Студянахъ, на 20 или 25 верстъ восточнѣе, но все еще на самой Березинѣ, нѣсколько обсерваціонныхъ постовъ вдоль рѣки, а самъ быстро направился къ Бобруйску; но онъ не успѣлъ отойти и 20 верстъ, какъ примчавшійся казакъ донесъ ему, что Наполеонъ, со всей своей арміей, атакуетъ дивизію, оставленную въ Студянахъ. Правый берегъ рѣки господствовалъ надъ лѣвымъ; рѣка не глубока, что позволило кавалеріи переправиться черезъ нее въ бродъ, сажая позади себя на лошадей пѣхотинцевъ. Послѣ упорнаго боя, затянувшегося далеко за ночь, генералъ Чаплицъ, командовавшій отрядомъ, принужденъ былъ отступить, а Бонапартъ, нарубивши лѣсу, навелъ мосты и началъ переправу. Безъ сомнѣнія, является вопросъ, почему же Витгенштейнъ не послѣдовалъ даннымъ ему инструкціямъ и почему главная армія, безъ которой нельзя было ничего сдѣлать, почему она, въ этотъ рѣшительный и предвидѣнный моментъ, находилась въ ста верстахъ отъ пункта, на которомъ ей слѣдовало быть? Отвѣтъ на это очень простъ. Еслибъ Французскую армію истребили при Березинѣ, то слава отъ этой побѣды досталась бы тремъ полководцамъ, принявшимъ въ ней участіе и болѣе всего, если ужъ не исключительно, одному, Чичагову; тогда какъ, если главная армія оставалась позади, Французскую армію немислимо было остановить, но за то можно было эту ошибку всецѣло взвалить на одного человѣка, которымъ хотѣли пожертвовать, нанеся нѣсколько громкихъ ударовъ по хвосту тигра, вмѣсто того, чтобъ серьезно отразить его, чего не пожелали сдѣлать герои дня!

Все такъ и произошло, какъ предвидѣли. Въ Петербургъ донесли, что адмиралъ Чичаговъ выпустилъ Бонапарта, и сейчасъ же всѣ поднялись противъ него, какъ на избобличеннаго измѣнника, а пишущій эти строки нигдѣ не слышалъ, чтобъ, при этихъ крикахъ, хоть кто нибудь посмѣлъ спросить: сколько солдатъ было въ распоряженіи у Чичагова. А вѣдь, однако, это было такое обстоятельство, которое слѣдовало принять во вниманіе.

Чичаговъ не далъ себя смутить этимъ страшнымъ предательствомъ и собралъ всѣ свои силы, чтобъ напасть на врага, на приготовленія къ чему и употребилъ весь день ^{15/27}. Графъ Витгенштейнъ находился, съ 13-го, въ Ракаси, и хотя эта деревня всего только 25 вер. отъ Борисова, его пушки загремѣли только 15-го вечеромъ. Чичаговъ тотчасъ вошелъ съ нимъ въ сношеніе и предложилъ ему сдѣлать на слѣдующее утро атаку, каждый съ своей стороны; но таже причина, которая помѣшала этому плану 13-го, остановила его и 16-го. Бонапартъ занималъ всѣ дефилеи съ многочисленной пѣхотой, достаточнымъ количествомъ артиллеріи и нѣкоторою исправною частью кавалеріи (ее привели ему Удино и Викторъ). Еслибъ Витгенштейнъ переправился черезъ Березину 16-го, онъ этимъ самымъ призналъ бы, что могъ сдѣлать это и нѣсколькими днями раньше; поэтому, хотя онъ и согласился во всемъ съ Чичаговымъ, но ничего не исполнилъ изъ обѣщаннаго. Адмиралъ началъ очень рано атаку, съ своей стороны, и не слыша пушекъ Витгенштейна, послалъ къ нему, чтобъ поторопить его вести атаку одновременно. Графъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ понтоновъ, адмиралъ тотчасъ же послалъ ему свои и горячо продолжалъ атаку. Послѣ того, что бились цѣлый день, войска Чичагова подвинулись впередъ; тогда Бонапартъ, чтобъ не быть стѣсненнымъ своимъ обозомъ, сжегъ свой мостъ, оставивъ 6 пушекъ, 10,000 чел. и свой огромный обозъ, о которомъ я писалъ. Витгенштейну досталась легкая слава завладѣть всѣмъ этимъ, и мы опять слушали молебствіе за эти великіе боевые подвиги. Почтенный графъ имѣлъ слабость написать въ своемъ донесеніи объ этомъ днѣ: „я заставилъ непріятеля перейти рѣку въ Студенцѣ“. На это очень справедливо замѣтили, что, значить, онъ сражался противъ Чичагова, которому было именно приказано не допускать этого перехода. Все дальнѣйшее извѣстно: Чичаговъ въ этотъ день отнялъ у Французовъ убитыми или взятыми въ плѣнъ 18,000 ч., 7 пушекъ и 2 знамя. Затѣмъ онъ бросился ихъ преслѣдовать, съ быстротою безпримѣрной, проводя всѣ ночи на бивуакахъ и не давая имъ ни минуты отдыха. Отъ Студенца до Вильны; въ 12 дней, Французы потеряли 40,000 плѣнными, отъ 25 до 30,000

убитыми и 250 пушекъ. Въ Вильнѣ адмиралъ просилъ 20,000 чел., для дальнѣйшаго преслѣдованія, но фельдмаршалъ отказалъ. Три недѣли простояли у Нѣмана, который перешли только по прибытіи Государя. Остатки великой арміи воспользовались этой остановкой, чтобъ спастись со всѣми маршалами, выдающимися генералами, и можетъ быть съ 4,000 начальниковъ.

При Березинѣ ихъ всѣхъ ожидала гибель, до послѣдняго человѣка. Но зависть и самолюбіе помѣшали этому исполниться. Послѣдствія этихъ преступныхъ расчетовъ, даже въ настоящую минуту, очень серьезны. Дай Богъ, чтобъ они не были гибельны.

Вотъ когда, при подобныхъ важныхъ случаяхъ, можно съ грустію смотрѣть на силу предрасудковъ, поддерживаемыхъ духомъ партій и національною гордостью. Эта гордость требовала героя, и она же и смастерила его, какъ дѣлаютъ какой нибудь ящикъ или башмакъ; ей нужна была жертва, чтобъ сдѣлать ее виновною во всемъ, что творилось дурного, и такую жертву она нашла, и, какъ знать, удастся ли когда этой жертвѣ вполнѣ высказаться. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе кампаніи Кутузова, хотя стихіи способствовали сдѣлать ее эпохою въ исторіи. Онъ былъ осыпанъ милостями въ свои послѣдніе дни. Скончался онъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена, тѣло его было привезено сюда и погребено въ Казанскомъ Соборѣ (почесть, до него, никому еще не оказанная). Ему поставятъ памятникъ. А, между тѣмъ, еслибъ этогожъ человѣка перенести въ одинъ изъ нашихъ военныхъ совѣтовъ, или представить въ военный судъ Англіи, какъ знать, сохранилъ-ли бы онъ голову. Чичаговъ, напротивъ, не совершилъ ни одной ошибки, всегда былъ въ должное время на назначенномъ мѣстѣ, нанесъ врагу своего отечества страшные удары, а отечество отказывается отъ него, нелѣпо обвиняя его въ томъ, что онъ выпустилъ врага.

Адмиралъ перенесъ эти несправедливости съ достоинствомъ и твердостью, ему присущими. Онъ хотѣлъ понудить Государя заступиться за него и отдать ему справедливость всенародно; но Государю это, буквально, невозможно. Ему пришлось бы ниспровергнуть общаго кумира; пришлось бы даже огорчить Витгенштейна, у котораго хотя и были минуты слабости, но, не смотря на это, онъ чудесный человѣкъ, съ которымъ самъ Чичаговъ не порвалъ. Императоръ Нѣмецкаго происхожденія, очень добръ, болѣе зрѣлъ, чѣмъ его народъ и отлично понимаетъ его. Государь подвергъ бы себя большой опасности, еслибъ рѣшился пойти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ своего народа, поддерживая открыто

Чичагова. А Чичаговъ не хочетъ этого понять и, вслѣдствіе этого, удалился, отпрапортовавшись больнымъ (это обычный здѣсь пріемъ). Онъ теперь здѣсь, держитъ себя гордо и чувствуетъ себя совершенно спокойнымъ; видается съ немногими друзьями, оставшимися ему вѣрными. Я вижу съ нимъ ни чаще, ни рѣже прежняго и постоянно твержу ему, что мнѣ тяжело видѣть человѣка съ такими достоинствами, сдѣлавшагося бесполезнымъ, по своему неукротимому нраву и по совершенно безразсуднымъ рѣчамъ. Онъ прекрасно выслушиваетъ меня, но не исправляется. Государю онъ написалъ, что его болѣзнь все продолжается; но кто знаетъ, что онъ еще написалъ и что съ нимъ будетъ?

Среди этой борьбы я люблю Императоромъ. Онъ принесъ великія жертвы, превозмогъ страшныя затрудненія, и съ большимъ искусствомъ примирилъ страсти самыя непримиримыя. Я не сомнѣваюсь, что ему пришлось дѣлать многое противъ своихъ склонностей и убѣжденій, но меня именно это и восхищаетъ.

Что ему оставалось дѣлать? Вездѣ много говорятъ о всемогуществѣ Императора Русскаго; но забываютъ, что менѣе всего могучъ тотъ Государь, который все можетъ.

Ничѣмъ нельзя исправить странную привычку большинства обыкновенныхъ людей судить о могуществѣ государей по тому, что они могутъ дѣлать, тогда какъ его нужно оцѣнивать по тому, чего они не могутъ дѣлать. Султанъ или царь могутъ обезглавить или наказать кнутомъ, если имъ это угодно; и на это говорятъ: ахъ, какъ онъ могущественъ; а слѣдуетъ сказать: ахъ, какъ онъ безсиленъ! такъ какъ его могутъ на другой же день задушить. Жестокость называютъ силою, а это двѣ вещи, между тѣмъ, такъ же мало сходны, какъ сладкое съ приторнымъ. Нѣтъ ничего легче доказать, во всякое время и кому угодно, что нашъ король и его дѣйствительные сотрудники во сто кратъ болѣе независимы и неограничены, чѣмъ Русскій Императоръ, которому еще долго нельзя будетъ отдать справедливость адмиралу, какъ бы онъ ни хотѣлъ этого.

Всѣ глаза устремлены, въ настоящее время, на Германію, гдѣ дѣло началось совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Много говорили о постыдномъ бѣгствѣ Бонапарта, и я вижу, что это мнѣніе дошло и до короля; но я увѣренъ что если его величество разсмотритъ все съ присущей ему мудростію, то онъ откажется отъ подобнаго мнѣнія. Какъ разъ Наполеонъ вынужденъ былъ удалиться: ему прежде всего былъ расчетъ попасть въ Парижъ, или, скорѣе, нагрянуть туда.

Онъ не былъ наивенъ, чтобъ дать намъ время послать нашихъ агентовъ въ Германію для предупрежденія всѣхъ быть на готовъ (что, къ стыду нашему, мы не сдѣлали двумя мѣсяцами раньше) и стрѣлять по немъ, при его проѣздѣ. Безъ денегъ, безъ рубашекъ, онъ пролетѣлъ, какъ молнія, черезъ всю Германію однимъ могуществомъ своего имени, которое два мѣсяца позднѣе перестало бы существовать. Онъ вернулся въ Парижъ, прежде чѣмъ бунтовщики успѣли опомниться, привелъ все въ порядокъ, устроилъ, успокоилъ и, въ то время, какъ здѣсь кричали: онъ низверженъ, онъ умираетъ со стыда, у него нѣтъ больше денегъ, онъ не можетъ болѣе сражаться, не имѣя ни артиллеріи, ни лошадей, и т. п., онъ уже былъ въ сердцѣ Германіи, во главѣ 200000 чел. Онъ далъ битву подъ Лютценомъ; длившуюся 13 часовъ и гдѣ посты переходили по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки; онъ заставилъ Пруссаковъ и Русскихъ отступить и уступить ему это несчастное населеніе, которое слишкомъ явно выказало себя на сторонѣ праваго дѣла. Онъ три дня подъ рядъ бился въ Кёнигсвартъ и Бауценъ, отбросивъ Императора отъ Лейпцига къ Швейдницу. Всѣ эти бѣдствія, такими они по крайней мѣрѣ кажутся, происходили отъ двухъ причинъ: первая изъ нихъ та, что слишкомъ уже ни во что считали средства противника, а они у него были громадныя, а вторая постоянная медлительность Австрійцевъ. Императоръ пробылъ 6 недѣль въ Калишѣ, все въ переговорахъ съ ними. Они его убѣдили войти въ Саксонію, обѣщая быть постоянно близъ него; а, затѣмъ оставили его дѣйствовать одного, и я думаю даже, что еслибъ Пруссія привуждена была сама себя уничтожить, какъ приказывалъ ей это, условно, ея несчастный монархъ въ своей прекрасной и грустной прокламаціи отъ 21-го Апрѣля, набожная Австрія охотно бы подчинилась велѣніямъ Провидѣнія; но какъ кажется, Его предопредѣленія совсѣмъ не такія. Но нужно остерегаться излишняго страха. Сраженіе подъ Люценомъ имѣетъ много общаго съ Бородинскимъ. Его немного обезславили послѣдовавшимъ за нимъ отступленіемъ, но, тѣмъ не менѣе, оно нанесло страшный ударъ врагу. Къ тому же, отступление это не было вынужденное. Русскіе полководцы просили Государя отступить, дабы не истреблять понапрасну силы Его Величества, который съ минуты на минуту долженъ былъ присоединиться къ могущественному союзнику.

Наполеонъ выказалъ себя мастеромъ военнаго дѣла, пытавшіеся нанести сильный ударъ, до прибытія Австрійскихъ баталіоновъ. Останься онъ побѣдителемъ при Люценѣ, Европа снова была бы въ цѣпяхъ; но онъ побѣдилъ только по газетамъ. Въ войскѣ Пруссіи и Россіи

воодушевленіе прекрасное; при ежедневныхъ бояхъ преимущество всегда за Русскими и Пруссаками, захватывающими въ плѣнъ великое число. Французы приходятъ въ отчаяніе отъ казаковъ. Маршалъ Бессіеръ и знаменитый маршалъ Дюрокъ убиты. Настроеніе умовъ Австрійскаго народа тоже отличное; но что-то предприметь Австрійская держава? Вещь невѣроятная. 2-го числа настоящаго мѣсяца она еще не шевельнулась. Не хочетъ ли она посмотрѣть, въ какую сторону наклонится вѣсы, завоевать провинціи чужою кровью и выиграть громадный выигрышь въ лотереѣ, на которую у ней нѣтъ билетовъ? Посмотримъ. Необходимо помнить, что Императоромъ Австріи—его министры, и что всѣ добродѣтели Двора такъ же чужды вопросу, какъ Китаю. По счастію, дѣла пойдутъ сами собой, по своему значенію, и все кончится Французами. Рѣшено, что они будутъ жестоко наказаны, при этомъ случаѣ (и, конечно, ничто не можетъ быть болѣе справедливымъ), но нисколько не унижены, и они и изъ этаго положенія выйдутъ съ репутаціей націи самой сильной, т. е. такой, которая, во время войны, выставляетъ самую бѣльшую силу въ соединеніи съ величайшимъ умѣніемъ.

Походъ этотъ въ Россію непонятенъ: даже послѣ совершившихся событій не вѣрится, что изъ Парижа пошли въ Москву, чтобъ ее сжечь или велѣть сжечь; все остальное зависело уже отъ немногаго. Нельзя ли сказать другимъ державамъ: „теперь вашъ чередъ; идите сжечь Парижъ?“ Ну чтожъ! воскликнулъ бы Фридрихъ.

Старикъ Катонъ (а можетъ „кто другой, подъ его именемъ) сказалъ слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: у Галловъ всегда было два притязанія: хорошо говорить и хорошо сражаться. Ничто не измѣнилось и до настоящаго времени.

Говорили еще и другое что-то о другомъ народѣ, что точно такъ же доказало бы, что никакихъ измѣненій нѣтъ; но, въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ объ этомъ написать, я забылъ, что еще говорили.

Списки съ этого донесенія, равно какъ и нижеслѣдующаго письма о немъ сохранились въ бумагахъ графа С. Р. Воронцова и переведены съ Французскаго. Они напечатаны въ XV-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.